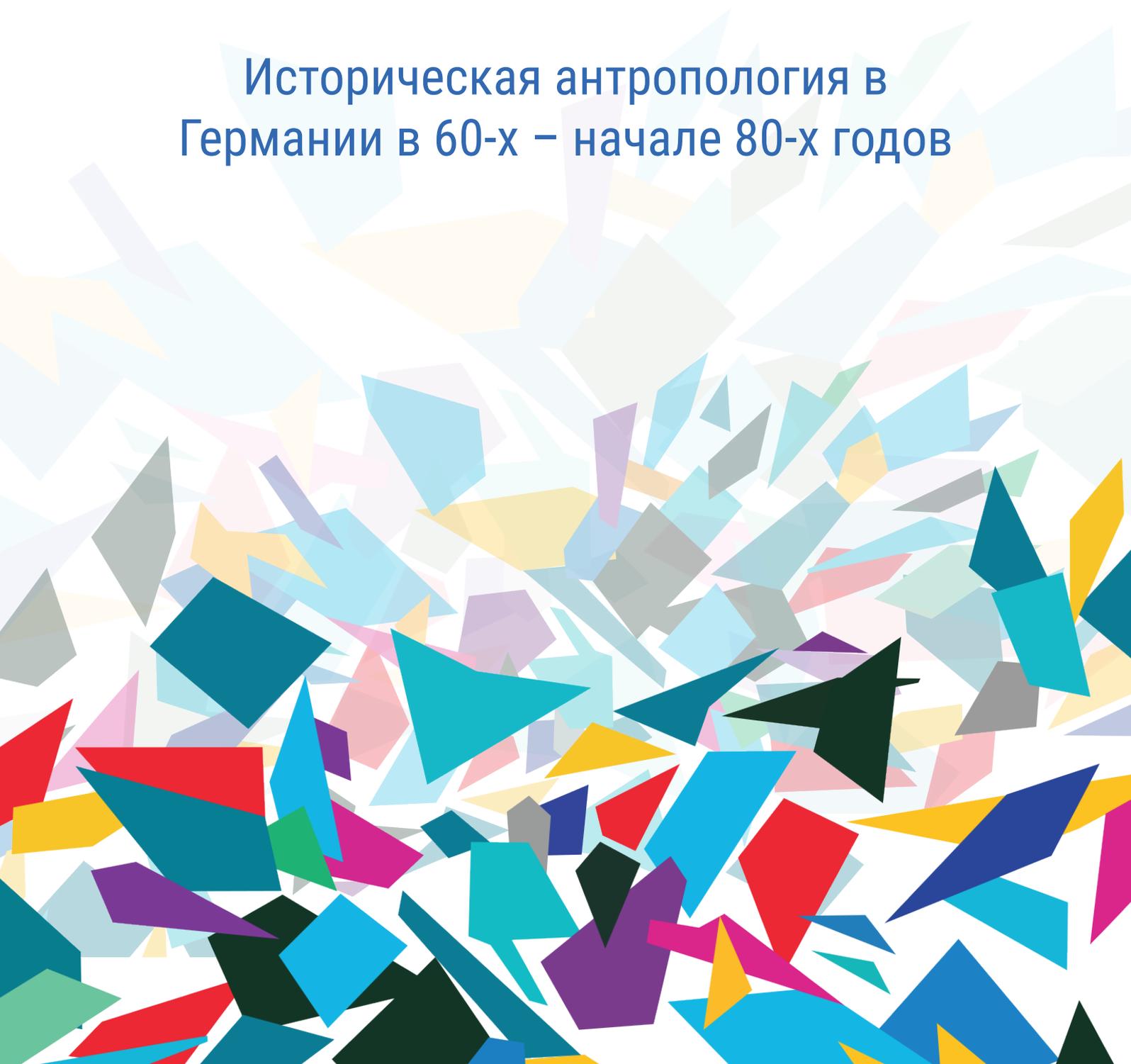

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историческая антропология в
Германии в 60-х – начале 80-х годов

Кітап: Историческая антропология

Дэріс: Историческая антропология в Германии в 60-х – начале 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель – показать, когда в той или иной стране вошел в употребление термин «историческая антропология» как обозначение научного направления, в частности, в Германии 1960-1980 гг.

В предыдущих выпусках я рассказывала вам об особенностях и традициях формирования французской школы «Анналов», а также британской школы в период шестидесятых – семидесятых годов прошлого столетия. Сегодня вы узнаете о том, когда в той или иной стране вошел в употребление термин «историческая антропология» как обозначение научного направления, в частности, в Германии.

Об исторической антропологии германские историки впервые заговорили во второй половине 60-х годов. Это произошло в обстановке поиска путей методологического обновления социальной истории – с одной стороны, и при повышенном внимании к достижениям французской школы “Анналов” – с другой стороны.

По единодушному признанию немецких учёных наибольший вклад в разработку историко-антропологических вопросов внесла французская школа «Анналов». По их мнению, становление исторической антропологии в Германии немислимо как без влияния этой школы, так и без дискуссии с её представителями. Вследствие этого изучением опыта школы «Анналов» в немецкой историографии 1960-1980-х гг. занимались очень активно.

Не касаясь характеристики школы «Анналов», отмечу, что её представители действительно претендовали на обновление исторической науки в самой её основе. Речь шла об «исторической гуманитарной науке», которая объединяла в «глобальной истории» сферы познания социологов и историков, этнологов и географов, психологов и медиков, лингвистов и антропологов.

На протяжении четверти века, как известно, она ориентировалась в своих революционных замыслах преимущественно на образцы социальной историографии. Положение изменилось к концу шестидесятых годов прошлого века, когда молодое поколение академического сообщества обратилось к истории ментальностей (исторической антропологии) под новым углом зрения. Обращение к анализу этого познавательного пространства воспринималось как «второе рождение новой исторической науки». Словами Ж. Ле Гоффа, «ментальность стала противоядием от негативного опыта социальной истории, нацеленной на постижение систем и структур».

История ментальностей на протяжении 70-80 годов XX столетия стала одной из самых популярных парадигм новой, антропологически ориентированной историографии Германии. История ментальностей стремилась соизмерить объективную реальность, деятельность людей и их «психологическую конституцию». С этим связывалась необходимость решения вопроса о том, каким образом человек, осмысливая окружающую реальность и действуя в ней, включался в происходящие события.

Аналитики осознавали, насколько тонкая и трудноуловимая материя - менталитет. С самого начала история ментальностей охватывала довольно широкую область, она располагалась между практической деятельностью людей в рамках определенной культуры и их знаниями о мире в виде исторической априорности.

С нечеткостью и текучестью предмета истории ментальностей связано многократно подвергнутое критике отсутствие её теории. Немецкие учёные подчеркивали, что нужно обозначать методы, границы, возможности и перспективы данной дисциплины. Необходимость этого связывалась ими не столько с формальными признаками, сколько с теми глобальными задачами, которые намеревалась решить история ментальностей.

Между тем, изучая опыт французской историографии, учёные Германии исходили из того, что школа «Анналов» занимает на международной арене высокое место не столько вследствие её попыток создания «новой истории», изменяющей познавательные принципы историзма XIX в., сколько по причине убедительных достижений в области эмпирических изысканий.

Под этим углом зрения я готова согласиться с утверждением аналитиков, что история ментальностей дала творческий импульс и задала масштабы удивительному разнообразию интерпретаций. Не вызывает сомнения и то, что история ментальностей имела давние традиции внутри исторической науки Германии. Она начиналась уже там, где выдвигалась идея, что определенным обществам, политическим структурам и экономическим формам соответствуют определенные мироощущения людей.

Немецкая историография, тщательно проанализировав уже имеющийся опыт «историко-антропологических постановок вопросов школой Анналов», очертила основную группу проблем, являющихся предметом исследования ментальной матрицы общества. Это, прежде всего, сегменты человеческой деятельности, которые интерпретировались на уровне событий повседневной жизни:

Кітап: Историческая антропология

Дэріс: Историческая антропология в Германии в 60-х – начале 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

рождение, детство, старость и смерть, манеры и стереотипы поведения, брак и семья, работа и праздники, реакции на различные экономические и политические изменения.

Немецкие историки отметили широту и разнообразие постановки антропологических проблем. Изучение человеческого поведения - от привычного до спонтанного, от неосознанного до осмысленного, а также всех производных сознания, которые проявляли себя в социальном пространстве, - именно данную традицию истории ментальностей продолжала историческая антропология.

В 1967 году на Фрайбургском конгрессе историков немецкий историк, философ Томас Ниппердай впервые выдвинул программу преобразования социальной истории в историческую антропологию.

Небольшая биографическая справка о том, кем являлся Ниппердай и какова его роль в становлении исторической антропологии. Томас Ниппердай родился в Кельне, изучал философию, историю и немецкую филологию в Геттингенском университете, Кельнском и Кембриджском университетах, где он получил докторскую степень в 1953 году. Преподавал историю в Геттингене (1961–63), Карлсруэ (1963–1967), Берлине (1967–1971) и завершил свою карьеру в Мюнхенском университете (1971–1992). Помимо многочисленных статей и монографий, он известен, прежде всего, фундаментальными и всесторонними исследованиями по Германии в период с 1800 по 1918 годы. Также он - исследователь истории Реформации и истории религии, политической истории XIX и XX веков, в том числе истории немецких политических партий.

В своих работах Ниппердай развернуто высказывал идею и рассматривал предметом новой дисциплины антропологические структуры, объединяющие в себе личность и ее время. По его мнению, историческая антропология была призвана изучать взаимоотношения личности и общества в их динамике, в конкретном месте и в конкретную эпоху. Предложенная им исследовательская программа включала в себя изучение морального поведения, семьи, процесса воспитания и т.д.

Немецкие историки связали перспективы развития исторической антропологии с изучением той субъективной реальности, которая, являясь содержанием сознания людей, с одной стороны, формируется из знаний человека о мире, а с другой - определяет его поведение в этом мире.

При этом приверженность немецких учёных классической модели историзма является показателем прочности и консервативности концептуальных основ классической немецкой историографии, в силу чего все новые проекты долгое время остаются в тени.

В отличие от других стран, где антропоцентристские концепции истории активно обсуждались уже с начала пятидесятых годов, Германия вступила в эту полемику лишь во второй половине шестидесятых. Но и на протяжении последующего десятилетия даже в обзорах литературы и в полемических статьях по проблемам теории истории начала восьмидесятых годов о практических результатах исторической антропологии упоминалось лишь вскользь.

Это ещё раз демонстрирует, что формирование новой дисциплины в исторической науке Германии было напрямую связано с модернизацией её теоретико-методологических стандартов. Отсюда столь серьезное внимание к разработке базисных положений антропологизации истории, тщательная подготовка к будущим конкретно-историческим исследованиям.

И притязания на огромный методологический потенциал «истинного» (или «первоначального») историзма были положены в основу программы исторической антропологии, так как в её рамках считалось возможным сформулировать новые приёмы историописания, сделать потенциальной к показу взаимоотношений личности и общества, к преодолению их дуализма.

Сходное понимание задач исторической антропологии высказывал другой немецкий ученый, социолог Вольф Лепенис. Он изучал философию и социологию в университете Мюнстера. В 1970-м защитил диссертацию в Свободном университете Берлина. Преподавал в Париже, Принстоне. С 1984-го - в Свободном университете Берлина. С 2006 года являлся почётным профессором. Сфера научных интересов Лепениса весьма широка - это социология знания, социология и антропология культуры, история социологии. Его главная тема - становление современной эпохи, а именно эпоха модерна, с которой связано появление особой прослойки интеллектуалов, занимающихся проблемами исторического процесса и роли личности. Лепенис уделял внимание проблемам формирования института литературы, корпуса социальных наук, исторического подхода в гуманитарных дисциплинах, взаимосвязи понятий культура, природа, история. Одной из центральных тем исторической антропологии Лепенис определил изучение “элементарных форм поведения”.

К сторонникам такого понимания исторической антропологии можно отнести Отто Кёлера и Йохена Мартина, которые на страницах журнала всеобщей истории *Saeculum* («Столетие») в 70-80-х годах

Кітап: Историческая антропология

Дэріс: Историческая антропология в Германии в 60-х – начале 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

печатали свои статьи и обзоры, а в 1975 году во Фрайбурге создали Институт исторической антропологии, который возглавил Й. Мартин). Институт открывался с целью, сделать изучение “истории человека в его целостности” – по примеру французской школы “Анналов”, а задачей ставилось исследование социальной истории болезней и лечения, правовых традиций, феномена детства.

В период своего основания в состав исследовательской группы Института входили Отто Келер, Йохен Мартин, Михаэль Миттерауэр, Томас Ниппердай, Август Ничке, Рольф Шпрандель и другие известные немецкие ученые. Говоря словами Отто Кёлера, основной целью их исследований было изучение деятельности человека как «фактора, формирующего историю», поскольку именно многообразие форм овладения людьми, окружающим их миром, определяет многообразие форм общества.

Йохен Мартин дает следующее пояснение того, что является предметом их исследований, он говорит: «речь идет о «человеке гуманном» «на всех стадиях организации общества и во всех культурных средах», каждая из которых осознает себя как целый мир. Целью исследования является человек во всех его проявлениях, а не только в повседневной жизни, то есть скорее «история человека вообще», а не «всеобщая история человека».

На первый взгляд, близость этой тематики к этнологии и истории быта, а также к фольклористике и социальной истории очевидна, но институт не проявляет к ним интереса ни в тематическом, ни в методическом плане. Вся проделанная фрайбуржцами работа была изложена в шести объемных томах. Основное внимание, как уже говорилось, уделено трем комплексам проблем: «Болезнь, врачевание, исцеление», «Возникновение и эволюция правовых отношений» и «Детство-юность-семья- общество».

Фрайбургская школа не была единственной в своем роде. Всего с 70-х годов в Германии сформировались три научных центра. Примерно в один период в Штутгарте, в Институте социальных исследований при Штутгартском университете открылось отделение исторического исследования поведения. Это был второй центр, который возглавил А. Ничке. Вся программа изучения поведения человека в истории была опубликована Ничке в отдельной книге, изданной в 1981 году: «Историческое исследование поведения людей. Анализ общественных видов поведения. Рабочий вариант».

Внимание научной общественности привлекли, в первую очередь, не его теоретические высказывания и методические подходы, а книги, в которых ученый анализировал такие различные феномены, как картины, сказки, рассказы. Отслеживая в них эволюцию окружающих условий, в которых живет, воспринимает мир и действует человек, Ничке видел в каждой эпохе присущие только ей конфигурации тела – пространства – времени. Например, одна из последних его книг, опубликованная в 1989 году, посвящена жестам, танцам и помещениям, изменяющимся в ходе истории.

По мнению критиков, свою концепцию Ничке увязывал с работами по исторической антропологии и истории ментальностей Люсьена Февра, Жоржа Дюби, Арона Гуревича, Томаса Ниппердая, Рольфа Шпранделя и др. Однако, несмотря на всю перспективность в духовно-историческом и всемирно-историческом плане его концепция, сыграла в конечном счете не очень заметную роль в научной полемике вокруг исторической антропологии в Германии.

Но в тоже время нельзя не отметить, что в духе теории Норберта Элиаса о цивилизационном процессе именно Ничке предложил изучить изменение контроля человека над аффектами в разные эпохи, а также факторы, влияющие на поведение: потребности, чувства людей и т.п.

Для более полного понимания обратимся к трактовке истории цивилизации в работе Н. Элиаса «Процесс цивилизации», второе издание которой, снабженное обширным предисловием, появилось в 1968 году. В ней он выдвинул теорию цивилизации как психогенез современного человека и социогенез общества Нового времени в качестве двух аспектов единого процесса развития.

По мнению Элиаса, с начала западной истории и до наших дней общественные функции в условиях нарастающей конкуренции дифференцируются все больше. Чем больше их дифференциация, тем больше число функций и, соответственно, количество людей, от которых зависит любое действие индивида - как самое простое и обыденное, так и наисложнейшее, из ряда вон выходящее. Элиас так это объясняет: «Для выполнения индивидом своей общественной функции необходима слаженность поведения все больших групп, линии натяжений на полотне совместных действий натягиваются все туже и определеннее. Индивид вынужден регулировать свое поведение все более дифференцированным, единообразным и стабильным образом».

Обобщенный тезис Норберта Элиаса о «цивилизации» содержит в себе, по сути, три аспекта. Первый: цивилизация означает сдерживание эмоциональных проявлений человека. Второй: общественный контроль над поведением индивида превращается в индивидуальный самоконтроль, хотя самопринуждение

Кітап: Историческая антропология

Дэріс: Историческая антропология в Германии в 60-х – начале 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

никогда целиком не вытесняет принуждения общественного. Третий: регуляции подлежат, в первую очередь, эмоциональные перепады, аффективная жизнь человека становится стабильной и предсказуемой.

Стремление Элиаса подойти к объяснению эволюции повседневных стереотипов поведения как к социальному цивилизационному процессу пробудило серьезный интерес к реконструкции повседневных привычек, по которым можно совершенно особым способом изучать изменения в человеческом общежитии. Для Элиаса не существовало каких-либо антропологических констант, другими словами «привычки» не связаны с сущностью самого человека, они - продукт социальных преобразований и процессов. И эта мысль имела важное значение для возникновения исторической антропологии.

По мнению исследователей и экспертов, Штутгартский и Фрайбургский центры были близки в понимании задач исторической антропологии. А именно в изучении Человека вообще на основе примеров из истории разных эпох и стран, а не каких-то конкретных людей в определенное время и в определенном месте. Сильной стороной нового направления был сравнительный универсально-исторический подход, придававший исследованиям практическую значимость.

Обсуждение проблем исторической антропологии в рамках данного направления в конце 60-х – 70-х годах не выходило за пределы чисто теоретической дискуссии. Авторы делали обстоятельные экскурсы в историю немецкой философской и исторической мысли, обсуждали общие методологические подходы, но до начала 80-х годов конкретных исследовательских разработок немецкая историческая антропология, к сожалению, продемонстрировать не могла.

При этом, как отмечал впоследствии Ханс Медик, подобная философская трактовка сочеталась у Томаса Ниппердая и его единомышленников с подчеркнутым дистанцированием от этнологии и, как следствие, с приверженностью к традиционному европоцентризму.

Третий научный центр сложился в Институте истории Общества имени Макса Планка в Геттингене в семидесятые годы. В состав этой группы ученых входили Ханс Медик, Петер Кридте, Юрген Шлюмбом. Они работали над проектом по изучению протоиндустриализации, ориентированным на внешние рынки сельского ремесленного производства в период перехода от аграрного общества к индустриальному. Из этого совместного проекта впоследствии возникли фундаментальные монографические исследования каждого из трех ученых.

В этом же геттингенском Институте Истории появилась еще одна группа сторонников исторической антропологии во главе с Рудольфом Фирхаусом. Но существенное отличие геттингенцев - Медика, Шлюмбома, Людтке и вместе с ними работавшего американского германиста Д.У. Сэбиана от других (фрайбургского и штутгартского) научных центров заключалась в их направленности не на идеи философской антропологии, а на исследования по социальной и культурной антропологии (этнологии). Более того, эта исследовательская группа была активно включена с конца семидесятых в международные дискуссии историков и антропологов.

Участники группы, сложившейся вокруг Медика, Людтке, Сэбиана, стремились к тому, чтобы, развернув дискуссию о возможностях и пределах коллаборации между историей и антропологией, поставить опыт социальной антропологии на службу антропологически ориентированной историографии, а затем, не ограничиваясь простым заимствованием социологических концепций и теорий, найти новые подходы к социальной действительности.

Геттингенская группа, как и другие, сформировалась в борьбе с засильем «Билефельдской школы» «. Развитие «новой социальной истории» в Германии на протяжении двух десятилетий было связано с появлением так называемой «билефельдской школы», представители которой предложили свой подход к интерпретации истории. В то время, когда многочисленные сторонники «школы» занимались исследовательской деятельностью в разных западногерманских университетах, Билефельдский университет стал одним из главных центров социальной истории. Идеологами и основателями «билефельдской школы» в западной социально-научной историографии принято считать Г.-У. Велера и Юргена Кокку.

Хронологические рамки определяются временем появления «билефельдской школы», приблизительно с 1972 года, когда её представители стали заниматься научно-исследовательской работой в Билефельдском университете и публиковать свои исследования под общим заголовком «Критические исследования в исторической науке».

Несмотря на то, что конец восьмидесятых принято считать распадом «школы», так как большая часть её сторонников либо ушла в отставку, либо, изменив сферу познавательных интересов, начала заниматься научно-исследовательской деятельностью в других университетах, были изучены труды историков, опубликованные значительно позже. Необходимость их исследования определяется тем, что в современной

Кітап: Историческая антропология

Дэріс: Историческая антропология в Германии в 60-х – начале 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

историографии Германии до настоящего времени ведутся дискуссии о наследии «билефельдской школы» и её роли в развитии исторической науки.

Обращение к историографии «билефельдской школы» обнаруживает ряд трудностей, связанных, прежде всего, с отсутствием достаточного количества специальных работ. В то же время в научной литературе довольно широко представлена проблема «новой социальной истории», которая в большей или меньшей степени затрагивает тему «билефельдской школы».

Исходя из сказанного, геттингенская группа, в отличие от представителей Фрайбургского института, предельно четко излагала свою «программу» и свой интерес к антропологии увязывала с историческим анализом культуры и быта, которым занимались и занимаются и многие другие группы в Германии. В этом смысле геттингенцы выступают выразителями не только собственных взглядов, но и воззрений других, более широких научных кругов.

Результаты исследований изложены в работах «Классы и культура. Социально-антропологические перспективы в историографии» (1982), «Эмоции и материальные интересы. Социально-антропологические и исторические исследования при изучении семьи» (Медик и Сэбиан, 1984), а также «Господство как социальная практика. Социально-антропологические и исторические исследования» (Людке).

Все сборники основаны на протоколах научных заседаний и содержат подробные предисловия, которые важны для определения нового научного направления. Поскольку авторами материалов в своем большинстве являются в основном иностранные исследователи, эти сборники отражают международный стандарт научных исследований. Учитывая, что и один из лидеров геттингенской школы, Д.Сэбиан, является американцем, который привлек внимание своими исследованиями по немецкой истории.

Наибольшим влиянием в этой группе пользовались А.Людке и Х.Медик, которые оказывают воздействие скорее в теоретико-методологическом плане, чем своими эмпирико- или историко-антропологическими работами. Постановку историко-антропологических проблем в трудах Х.Медика можно брать за образец, но особый резонанс вызвали не эти исследования, а его появившееся в 1984 году программное сочинение «Миссионеры в рулевой шлюпке? Этнологический научный метод как вызов социальной истории» (Медик).

В своей концепции Х.Медик, опираясь на исследования Карло Гинзбурга и Натали З.Дэвис, разделяя выводы теории действия Пьера Бурдьё и символического интеракционизма Клиффорда Гирца, приходит к антропологическому понятию культуры, которое не отделяется ни от господствующей власти и экономики, ни от быта и образа жизни.

«Формы и виды проявления культуры, – говорит он, – выступают как движущая сила истории, как такой элемент исторического процесса, который формирует ожидания людей, их поведение и вытекающие из этого последствия, и поэтому они участвуют как в «структурировании» социального мира из классовых, властных и экономических отношений, так и в его исторической трансформации».

Во-вторых, он считает, что антропологически ориентированный исторический анализ должен быть направлен прежде всего на объяснение и раскрытие комплекса взаимоотношений между детерминирующими структурами и практикой «субъектов», между условиями жизни и опытом ее участников и творцов. Достичь же этого с помощью абстрактных теорий модернизации в конечном счете невозможно.

Медик выступает за «соучастие» социально-антропологического исследователя, за его работу над деталями исторического процесса, которая столь же важна, как и соответствующая работа историка.

В завершении этой лекции отмечу, что историко-антропологическое направление в Германии не ограничивается названными группами. В процессе определения сфер использования антропологического подхода к истории с начала 70-х годов эта научная ориентация нашла применение в самых различных направлениях, и широкое общественное признание обусловило значительный рост ее влияния.

В начале 80-х годов мирное сосуществование различных трактовок исторической антропологии в Германии сменилось яростными спорами, в ходе которых были поставлены под сомнение многие устоявшиеся положения немецкой академической науки. И только лишь с поворотом к микроистории немецкие историки смогли предложить свой оригинальный вариант антропологически ориентированной истории. Он получил название «истории повседневности».

Основные термины

Теория цивилизации, социальная история, философская антропология, теория действия, символический интеракционизм.

Кітап: Историческая антропология

Дэріс: Историческая антропология в Германии в 60-х – начале 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Ким С.Г. «Этнологическое измерение прошлого»: из опыта исторической антропологии ФРГ // Этнографическое обозрение. 2003. № 4.
2. Ким С.Г. Основные тенденции исторической антропологии в Германии 1960 - 80-х гг. // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994.
3. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.
4. Рихард ван Дюльмен Историческая антропология в немецкой социальной историографии/ THESIS, 1993, вып. 3, (Перевод В.И.Рубцова)
5. Людтке А. История повседневности в Германии. новые подходы к изучению труда, войны и власти / Под общ. ред. Журавлева С.В.; Пер. с англ. и нем. – М.: РОССПЭН; Герман. ист. ин-т в Москве, 2010. – 271 с.